

УДК 123.1/123.2

СТАНОВЛЕНИЕ ФИЛОСОФСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О
НЕОБХОДИМОСТИ И СЛУЧАЙНОСТИ

Некрасов С.И., Захаров А.М.

Белгородский государственный университет

Философское осмысление категорий необходимости и случайности началось с античности и сохранило свою актуальность до настоящего момента. Анализ развития представлений об этих философских категориях подтверждает плодотворность их рассмотрения как диалектически взаимосвязанных.

Ожидаемое событие может быть оценено с позиции уверенности, что оно произойдет, свершившееся же событие – как факт, который не мог не произойти. Именно таким образом категории необходимости и случайности обнаруживаются в мышлении: при положительной уверенности в вышеописанных ситуациях события называют необходимыми, в противном случае – случайными.

В обыденном мышлении вера в то, что необходимые события существуют, играет важную роль. Их наличие «подтверждает» организованность окружающей действительности, делает целесообразным заблаговременное планирование и расчет. Случайность же обыденно мыслится как нечто, чего могло и не быть, дезорганизирующее «верный» ход событий. Применимость этих категорий для определения будущего является их познавательным смыслом.

Являясь не только формой бытия, но и мышления, категория необходимости содержит в себе определенный пласт обыденного. Так необходимость «ощущается» исследователем в первую очередь там, где присутствует повторяемость, причем даже в том случае, если причины события не известны.

Одноразовые и неперIODические события первоначально отождествляют с дезорганизацией, и только в исключительных случаях впоследствии делаются попытки познать определившие их причины. Поиск этих причин вырождается зачастую в простую констатацию их наличия, закрепляя за ними фатальность и непознаваемость.

Если вопрос о причинах события, нарушившего привычный порядок, поставлен, и определить их не удастся, то, считая событие не имеющим оснований, его определяют как «случайное».

Очевидная (или неочевидная) необходимость осуществления событий, следствий, корреляционных эффектов, с одной стороны, и наличие фактора случайности, с другой, приводили в истории философии к рождению диаметрально противоположных концепций.

До XIX в., как отмечал Рассел, среди физиков преобладал взгляд, что вся материя гомогенна. По теологическим основаниям же человеческие тела часто освобождались от механического детерминизма, к которому вели законы физики. «Если, как некоторые думали, иногда и случаются чудеса, то они находятся вне сферы науки, поскольку они по своей природе не подчинены закону» [4, с. 18].

В философии были созданы как парадигмы, роль необходимости в которых абсолютна, а случайность – лишь следствие временной непознанности объектов, так и системы, в которых, напротив, спонтанность и случайность довлеют над обусловленностью. Крайние модификации второго варианта вели, помимо прочих следствий, к отрицанию познаваемости мира.

Философское осмысление этих категорий началось с античности, разделившись на два направления. Первое направление – попытка осмыслить природу необходимого и случайного, имеют ли они причины, чем различаются они сами и их причины?

Второе направление – общемировоззренческое – заключалось в обсуждении вопроса: является мир необходимо организованным, подчиняется ли то, что в нем происходит, определенному порядку и закону, или же в нем есть также и случайность, не входящая в порядок? [3, с. 47] По указанному общемировоззренческому вопросу в целом мыслители античности стояли на позициях организованности мира.

Исследователи [1] отмечают особую роль мифа как первоначальной ступени становления античных представлений о мире. Исходная рациональность, выявляющаяся в установлении взаимосвязей естественного со сверхъестественным в мифе, с одной стороны, утверждает причинность, а с другой – предопределенность. Античный миф – это не мир хаоса, стихии; здесь – узнаваемые действия сверхъестественного существа, а сам человек находится в описанной мифом цепи событий.

С этой точки зрения миф отражает борьбу хаоса с «божественным» порядком, защищая мир от натиска стихии. При этом защищенный мифом пространственный континуум характеризуется универсальным детерминизмом и взаимосвязанностью, а отмеченная неразрывность приводит к необходимости указания на вселенский смысл любого события.

Отмечается, что мифическое знание построено на волюнтаризме, необусловленной активности сверхъестественного, которая представляется человеку объективной реальностью [1]. Рассматривая вопрос об ограниченности человеческих познавательных способностей, А. Фейербах писал о «наделении» сверхъестественных существ качествами, превосходящими человеческие.

Познание причинности, таким образом, шло через обращение к космическому порядку, который представлялся возможным при наличии волевого акта, действия, по сути, беспричинного. Миф становится интерпретацией причинности.

Демокрит отстаивал крайнюю позицию, согласно которой случайность является лишь субъективным мнением. В этом плане идеи Демокрита явились началом

грядущей рационалистической традиции, оппонирующей детерминизму мифа. На последующее отрицание мифологического видения целостности мира философским рационализмом указывал, в частности, П. А. Флоренский.

По данному вопросу О. Шпенглер сформулировал следующее обобщение: «В силу же того, что устроенное неизменно по каузальным принципам человеческое мышление имеет тенденцию сводить картину природы к более простым количественным единицам формы, допускающим причинно-следственное постижение, измерение и исчисление, короче, механические дистинкции, в античной, западной и вообще всякой другой возможной физике неизбежно возникает учение об атомах» [5, с. 445.].

Считая Демокрита предтечей каузального детерминизма, исследователи отмечают, что атомизм явился «посягательством здравого смысла на теоретическую состоятельность» дотеоретического знания, реализованную в мифе [1].

Диаметрально противоположное отношение к необходимости, утверждавшее высокую важность случайности, высказывалось Эпикуром. Однако, обе эти точки зрения объединяло одно: закрепление особого статуса за одной из этих двух диалектически связанных категорий.

Для Платона «произвольная необходимость», характерная для мифа, также не согласуется с представлениями о рациональности и о философии в целом, являющейся познанием и воспитанием, не приемлющим примирения со сконструированной мифом действительностью. При этом идея Гераклита о непрерывном движении и изменении, носящая скорее мифологическую направленность, с позициями Платона уже не согласовывалась, так как здесь причинность была связана с миром идей. Полагая обманчивой причинность в материальном мире и проецируя востребованную рациональностью причинность в идеальный мир, Платон скорее не отрицает онтологически случайность, а утверждает знание как способ достичь стабильности через обусловленность.

Двойственная позиция, рассматривающая необходимость и случайность как

равнозначные характеристики действительности, формулировалась уже Аристотелем. Несмотря на то, что Космос управляется Логосом, случайное в мире присутствует, однако в определенных случаях оно акцидентально: мы не можем его познать, рассматривая само явление. Причины здесь сосуществуют с понятием цели, выступая посредниками между ней и исходным импульсом к движению.

И. Кант определил случайность логически: это то, противоречащая противоположность чего возможна [3, с. 49]. Идея «свободной причины», сформулированная им, отчасти являлась преломлением аристотелевской трактовки, определяющей случайность как спонтанное появление дальнейшей необходимости, само не имеющее причины. Как и Аристотель, И. Кант по сути указывал на акцидентальность случайного, перенеся при этом функционирование свободной причинности из мира феноменов в мир вещей в себе.

Г. В. Ф. Гегель отмечал, что необходимость и случайность нельзя мыслить раздельно, т.к. эти категории предполагают друг друга, определяя их онтологически относительно. Если Аристотель выделял как необходимые, так и случайные события, то Г. В. Ф. Гегель отмечал, что они необходимы и случайны одновременно. С другой стороны, принципиально отличает его позицию то, что необходимость здесь не сводится к причинности.

С позиций диалектики в рамках целостного процесса развития случайность и необходимость представляются взаимосвязанными. В отсутствии случайности бытие становится предопределенным и по сути статическим, приобретая самопротиворечивый характер.

Можно сказать, диалектический вывод о необходимости наличия случайности следует исходя из того, что на развитие, происходящее в реальном мире, оказывают влияние причины как внутренние, так и внешние. В этом плане случайность отражает многофакторность развития, в рамках которой закономерности могут реализовываться именно благодаря наличию целого набора возможностей и путей их осуществления.

Несмотря на достижения диалектического подхода, возврат к дроблению сфер проявления необходимости и случайности и связанным с этим их противопоставлением отмечался и в XX в.

Так феноменология Э. Гуссерля основывалась на фундаментальном факте взаимодействия человека в эмпирическом опыте не с объективным бытием, а с конструкцией, созданной сознанием. Общая для индивидуумов работа сознания формирует индивидуальное бытие, которое, по Э. Гуссерлю, случайно в противовес сущности, в сфере которой случайности не существует. Указанная концепция все же содержит в себе скрытую диалектику, так как факт от сущности неотделим.

Изначально позитивистская установка «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна привела к утверждению необходимости логической как единственно возможной.

Однако при глубоком изучении данный подход оказался применим только к сфере теоретических конструкций, когда случайность уже теряет свой онтологический смысл в силу «неслучайности» оговоренных в логической конструкции событий. При разрушении логического построения случайность же возникает вместе с тотальным превращением объектов логических в случайные. В этом плане данная позиция повторяла размышления Аристотеля о необходимости и случайности в области преднамеренного.

Достраивание этой идеи приводит не только к отрицанию необходимости объективной, но и собственно невозможности научного исследования вообще. Устранение из мышления категории необходимости лишает исследователя важнейшей языковой конструкции.

Наука XX в. оказала огромное значение для признания фундаментальной роли случайности. Ее базовое значение в структуре бытия проявилось через учащение обращений естественных наук к исследованию стохастических процессов. Особенность вероятностного стиля мышления заключалась в его оперировании стохастическими законами. Результатом развития этой тенденции стало появление

синергетики, разработавшей механизм рождения порядка в массиве случайностей.

Полагание случая в основу бытия, несмотря на связанные с этим практические и теоретические достижения, закрывает путь логического постижения этой категории. Кроме того, равенство онтологической значимости этих категорий, несмотря на различную функциональность, следует уже из их логической неразрывности.

Из гегелевской диалектики следует, что внешней причины у мира быть не может, так как даже при предположении, что мир создан Богом, он вырождается в бытие-для-одного. В том случае, если существование мира бесконечно, то он и его свойства не описываются в категориях необходимости и случайности, так как они не суть события.

Из вышеуказанных аргументов следует, что рассматривать возникновение мира как случайное, с точки зрения философии, не верно. Наряду с этим философы [3, с. 52] указывают, что и необходимым, в смысле динамической причинности, оно также быть не может. Ни Богу, ни «спонтанной случайности» сложность не присуща. Она – характеристика, которая исказит саму их идею. Категории случайности и необходимости поэтому характеризуют исключительно внутримировые отношения, соотносясь лишь диалектически с онтологией, имеющей в рамках данных дискуссий скорее надмировой характер.

На обыденном уровне категории необходимости и случайности представляются связанными с идеей о судьбе. Понятие судьбы предусматривает обусловленность событий в жизни конкретного человека, которые с необходимостью приводят к предопределенному итогу. В истории философии существовали и сосуществуют поныне несколько позиций по данному вопросу, являющихся своеобразными дополнениями к пониманию категорий случайности необходимости, с одной стороны, и понятиями времени и Вечности – с другой. Сложилась пара базовых направлений этих рассуждений. Будущее либо уже существует и, наряду с настоящим, находится в Вечности, либо его еще нет, и все, что случится потом, на данный момент не

существует. Обе позиции формально возможны, так как сами по себе внутренне непротиворечивы.

Достижения науки и философии продемонстрировали несостоятельность отделения человеческого свободного поведения от естественной природной необходимости, на котором настаивал И. Кант. Такой подход противоречит, с одной стороны, представлениям о целостности случайного и необходимого, и возможности эволюционных изменений – с другой. Законы, как природные, так и социальные, – лишь отражение всеобщей диалектики развития. При этом указание И. Канта на существование детерминации внутренней, связанной с нравственностью и самоопределением человека, свидетельствует лишь о большей доступности человеческому пониманию законов, носящих характер внутренний и личностный, нежели внешний и общемировой. В этом случае категория «закон», не теряя своего общемирового значения, функционирует в сфере нравственного и ценностного выбора.

Исследователи указывают и на экзистенциальность диалектики необходимости и случайности. Следование каким-то необходимым нравственным принципам подразумевает умение творчески применить их в каждой конкретной ситуации, то есть брать поправки на случайный характер обстоятельств и характер людей, с которыми тебя сводит жизнь. Подобное поведение как раз и говорит о том, что принципы у человека достойные, а сам он мудр и наделен диалектическим разумом [2, с. 311].

Трактовка необходимости и случайности через ожидание или неожиданное соответственно, подчеркивает указанную экзистенциальность, так как жизнь экзистенциально включает в себя ожидание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бондаренко Н. Г. Принцип детерминизма в коммуникативной теории общества: Дис. д-ра филос. наук: 09.00.11 Ростов н/Д, 2004.
2. Иванов А. В., Миронов В. В. Университетские лекции по метафизике. — М., 2004.
3. Книгин А. Н. Учение о категориях. - Томск: ТГУ, 2002.

4. Рассел Б. Человеческое познание: его сферы и границы / Пер. с англ. – Киев: Ника-Центр, 1997.

5. Шпенглер О. Закат Европы: В 2 т. / Пер. с нем. И. И. Маханькова. – М.: Айрис-пресс, 2003.т. 1.

The formation of philosophical ideas about necessity and fortuity

Nekrasov S.I., Zakharov A.M.

Belgorod State University

The philosophical comprehension of categories of necessity and fortuity began with antiquity and saves its actuality till now. The analysis of this ideas development confirms efficiency of their consideration as dialectical interconnected.